

СЗГ
С-408

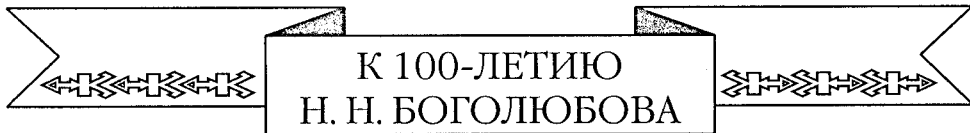
К 100-ЛЕТИЮ
Н. Н. БОГОЛЮБОВА

А. Н. Сисакян

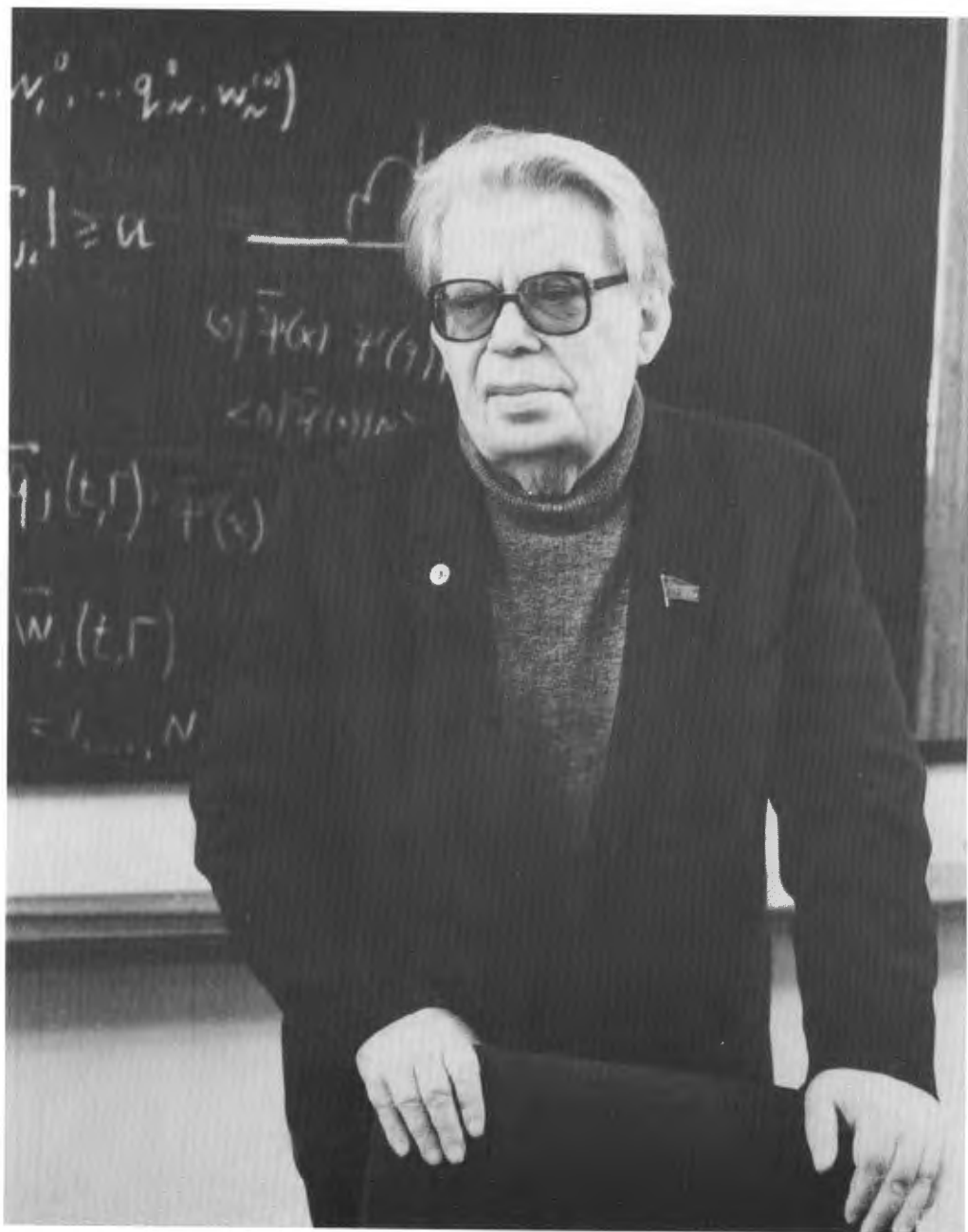
УЧИТЕЛЬ

СТРАНИЦЫ ПАМЯТИ

К 100-ЛЕТИЮ
Н. Н. БОГОЛЮБОВА

ОБЪЕДИНЕННЫЙ ИНСТИТУТ ЯДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

C 3 Г
C-408

А. Н. Сисакян

УЧИТЕЛЬ

СТРАНИЦЫ ПАМЯТИ

149166

Дубна
Объединенный институт
ядерных исследований
2009
БИБЛИОТЕКА

Сисакян А. Н.
С40 Учитель. Страницы памяти. — Дубна: ОИЯИ, 2009. — 12 с., фото. — (К 100-летию Н. Н. Боголюбова).

ISBN 978-5-9530-0220-2

Подписано в печать 16.07.2009.
Формат 70 × 100/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 0,93. Уч.-изд. л. 1,04. Тираж 400 экз. Заказ № 56659.

ISBN 978-5-9530-0220-2

© Сисакян А. Н., 2009
© Объединенный институт ядерных исследований, 2009

УЧИТЕЛЬ

Теперь, когда два года отделяют нас от скорбной даты — кончины Николая Николаевича, острее чувствуешь, как невосполнима потеря этого замечательного ученого и человека. Для тех, кто имел счастье пользоваться его мудрыми советами и поддержкой, эта потеря ощущается каждодневно.

Вспоминая о Николае Николаевиче, невольно испытываешь чувство светлой благодарности и гордости за то, что судьба сделала нас его современниками. Нас — многочисленных его прямых и косвенных воспитанников, работающих в разных областях математики, физики, механики во многих городах мира. Он был моим учителем со студенческой скамьи, затем, после МГУ, почти четверть века нас связывала работа в Объединенном институте ядерных исследований в Дубне.

Мы, его ученики младшего поколения, попали в орбиту Н. Н. Боголюбова, когда он был уже всемирно известным ученым; его окружал ореол заслуженного признания, который внушал мысль о недоступности.

Но его «недоступность» была, скорее, иллюзорной. Глубоко погруженный в ежедневный напряженный умственный труд (а Николай Николаевич работал очень много и буквально до последнего вдоха), он нечасто открывался собеседнику, умел внимательно выслушать, чаще молчал, но совершенно преображался, если высказанная мысль казалась ему интересной, заслуживающей поддержки. Он никогда не говорил: «Это плохо, неправильно, неинтересно», но каждый, кто с ним работал, знал, *что* его молчание означает... Зато, если удавалось чем-нибудь удивить Н. Н. (так его любя называли ученики), он поражал стремительностью проникновения в самую суть проблемы, находил поразительные аналогии, буквально видел ответ уже тогда, когда задача, казалось бы, была еще только поставлена. Такая его реакция была не только лучшей оценкой идеи, но и, как правило, мощным толчком к решению проблемы. Часто на следующий день Н. Н. приносил стопку листков, аккуратно исписанных его четким и разборчивым некрупным почерком. Он любовно называл эти листки «рукоделием». «А вот посмотрите, что у Вас должно получиться...» — говорил он своим бархатным голосом и с чуть заметной улыбкой затягивался очередной ароматной сигаретой (иногда он курил трубку).

Никогда не оставляли его равнодушным не только интересные научные идеи, но и людские нужды. Его не надо было упрашивать похлопотать о лечении больного (даже незнакомого ему человека), об оказании помощи нуждавшимся... Но часто Николай Николаевич бывал очень грустным после очередного приема по личным вопросам, так как не все человеческие проблемы, к сожалению, оказывались подвластны даже его возможностям — человека доброжелательного, сильного, облеченного директорскими, академическими и депутатскими полномочиями.

Да, Н. Н. был доброжелателен и терпим к людям, но его можно было лишить равновесия, если ты опаздывал или не сдерживал данное ему слово. Сам он был весьма требовательным к себе.

Мне очень стыдно это вспоминать, но однажды я опоздал на встречу с ним на четверть часа. И хотя у меня было оправдание (время поездки по зимней дороге из Дубны в Москву было трудно рассчитать), разговора у нас с Н. Н. не получилось, он ничего не хотел слушать, был раздражен и сказал, что от меня он такого «кабака» не ожидал. «Кабак» — это было его редкое, но самое крепкое слово. Урок этот я запомнил на всю жизнь...

Николай Николаевич не любил деклараций и нравоучений. Своим доброжелательным отношением к окружающим, поистине христианской терпимостью, своим примером титанического трудолюбия, непоказной скромностью и, иногда, вовремя сказанным метким словом он влиял на людей. Благородное влияние это до сих пор ощущается и в Дубне, и в Стекловке, и в Феофании, и в других местах, где осталась частичка его богатой души.

А слово он чувствовал как никто другой. Н. Н. любил играть в слова, искусно прослеживая их трансформацию со временем при переходе из одного языка в другой. Он знал десяток языков. Если бы он не увлекся в юности математикой, наверное, он был бы талантливым лингвистом.

«Талант великой личности редко бывает направленным, он проявляется во всем». Это изречение я услышал давно, но прочувствовать его позволил мне лишь пример Николая Николаевича. Перелистывая страницы памяти, обнаруживаешь, что Н. Н. умел удивлять окружающих поистине внезапным и талантливым проникновением в неожиданную для него область... Приведу лишь один эпизод, безусловно, не самый яркий, но очень необычный.

Дело было в гостях на даче одного известного ученого, компания собралась преимущественно кавказская, напряженный день заканчивался восточным гостеприимством. После очередного тоста хозяин стола вышел под звуки музыки на середину гостиной, вызывая Н. Н. на кавказский танец. Думаю, никто не мог вообразить, что семидесятилетний Боголюбов, не отличавшийся спортивной выправкой, усталый и никак не приспособленный к танцам, примет этот вызов. Но Николай Николаевич вдруг преобразился: он приподнялся на носках, выпрямился, красивые руки его приняли

позицию кавказского танца, и он артистично пошел на партнера в ритме темпераментной музыки. И это было талантливо, красиво и неожиданно. Все гости буквально ахнули. А Н. Н. умело разыграл танец с кинжалом, и, когда естественная усталость подсказала ему, что нужно успокоить развеселившегося партнера, он занес воображаемый кинжал над «противником» и жестом, означавшим победу, поставил точку в танце...

До этого момента я мог вообразить возможность проявления таланта Николая Николаевича, пожалуй, в любой области, кроме танца, но ...талант великой личности поистине проявляется во всем.

Труды, открытия и деяния Николая Николаевича остаются в нашей жизни, имя его принадлежит лучшим страницам истории российской интеллигенции. Но его характерные черты, улыбку, голос, умный и грустный его взгляд сохранит лишь память.

И трудно и легко писать эти строчки об Учителе. Трудно, потому что жива в нас боль невозвратимости, потому что невольно думаешь, а как он посмотрел бы на все это. А Н. Н. очень не любил статьи и речи о себе... Легко, потому что согревает надежда: может быть, удастся этими страничками хоть немного донести до детей и внуков наших, поселить в их памяти характерные черточки его светлого образа.

Дубна, 1994 г.

СТРАНИЦЫ ПАМЯТИ

Память часто оживляет страницы, связанные с Николаем Николаевичем. В различных рабочих и житейских ситуациях Николай Николаевич (как и при жизни) непроизвольно подсказывает всплывающими в памяти эпизодами линию поведения. Так мудрый отец не нравоучениями, а личным примером воспитывает своих детей...

Мне посчастливилось начиная с 1960-х гг. тесно общаться с Н. Н., учась на его кафедре в МГУ, работая в Дубне в его лаборатории, а затем выполняя обязанности ученого секретаря ОИЯИ, в то время когда Н. Н. был директором... Знакомство же мое с Николаем Николаевичем восходит к 1957 г., когда наша семья и семья Боголюбовых стали соседями по подмосковному дачному поселку Дарьино АН СССР. Несколько раз мне, тогда московскому школьнику, довелось встречать Н. Н. и моего папу, когда они возвращались из совместных зарубежных научных командировок. Небольшого роста, слегка картавивший, но очень элегантный академик в бабочке (вместо привычного для того времени галстука) и с ароматной сигаретой в мягких руках — таким мне запомнился ученый, которого сегодня с гордостью могу называть своим Учителем.

...Перелистываю страницы памяти.

1970-е гг. Однажды спрашиваю у Н. Н.: «Были ли X и Y Вашими учениками?» На что он совершенно неожиданно отвечает: «Человек не может никого называть своим учеником, даже если был чьим-то наставником многие годы. А вот наоборот можно сказать: этот человек — мой Учитель...»

Н. Н. был требовательным учителем, хотя, принимая экзамены у студентов, думаю, он ни разу никому не поставил неудовлетворительной оценки. Просто «хорошо» (а не «отлично») в его шкале уже означало плохую отметку. Н. Н. очень ценил в учениках (и в людях вообще) «самоходность» и с большим энтузиазмом помогал именно самостоятельным, целеустремленным и трудолюбивым сотрудникам. Он много помогал окружающим людям, а мешать кому бы то ни было вообще не вписывалось в его правила, он предпочитал влиять на происходящие процессы позитивными шагами. Очень не любил, когда кто-либо говорил про другого плохо или излагал негативную платформу. Хмурился и подолгу молчал, а иногда прерывал говорящих вопросом: «А у Вас есть позитивная программа?» Сам он был сугубо

Человеком Позитивной Программы. Н. Н. всегда жалел малоимущих, давал возможность подработать студентам и молодым сотрудникам, постоянно старался накормить (или, по крайней мере, напоить чаем) своих гостей... Когда мне приходилось готовить тот или иной научно-популярный материал, неизменно гонорар полностью передавался «помощнику».

«Николай Николаевич — не жадный, но деньги считать умеет», — иногда любя говорила Евгения Александровна (Женя, или Булочка, как ее называл Н. Н.). «Просто я не люблю транжирить...» — оборонялся Н. Н.

...Опять в беседе с Н. Н. попадаю впросак.

— А кто, Николай Николаевич, по Вашему мнению, сильнее как математик, академик X или академик Y?

— О, Алексей Норайрович, множество академиков — это несчетное множество, их нельзя пронумеровать или упорядочить...

Вообще, для Николая Николаевича было характерно вежливое (на «Вы» и «по имени-отчеству») обращение к любому собеседнику. По пальцам могу сосчитать часы, когда он называл меня Алеша. Это бывало редко, после длительной беседы в расслабляющей обстановке, когда Н. Н. приходил в теплое состояние душевного равновесия. В те часы он подолгу цитировал любимых русских писателей Булгакова, Мандельштама... «Из легких виноградных вин я лично предпочитаю «Сосняк» (искаженное коньяк. — А. С.), он и с кислинкой, и не пьянит...» — не раз цитировал Н. Н. фразу одного дореволюционного писателя-юмориста. «А Вы знаете, разбираться в винах и коньяках я научился у Вашего батюшки, — часто вспоминал в разговорах со мной Н. Н. — Норайр Мартиросович много сделал в биохимии вина... Мы с Мстиславом Всеволодовичем (Келдышем. — А. С.) во время поездки любили слушать увлекательные рассказы Вашего папы о свойствах бродильных ферментов, биосинтезе белка и поведении дрожофил в космическом пространстве. Да и дегустации он устраивал отменные».

Свои научные рукописи он ласково называл «рукоделием». Писал Н. Н. четким красивым почерком (как будто сразу набело), излагал математически строго, что называется, с «железной» логикой.

Спрашиваю Н. Н., будучи уверенным в его приверженности к логике (против интуиции!):

— Как Вам удается так последовательно строго выводить свои формулы, Николай Николаевич?

— Э нет, Алексей Норайрович, я сперва, как правило, вижу ответ, а потом выстраиваю логическую последовательность... — неожиданным ответом сражает меня Учитель.

Вот, оказывается, как велика роль интуитивного даже в творческом методе такого блестящего математика, как Боголюбов!

...Еще по поводу фамильярности и корректности. Он никогда не употреблял нецензурных слов. Самым бранным для него было слово «кабак». В обиходе не было слова «черт», в крайнем случае — «нечистый» или «лукавый». Матерные выражения он называл «средмашевскими» (руководители Минсредмаша частенько употребляли такие слова, как, впрочем, и обращение на «ты» к подчиненным или равным по рангу лицам).

Как-то я спросил Н. Н.:

— А почему он (один из замминистров Средмаша) Вас называет на «ты»? А Вы его на «Вы»?

— Я привык людей называть на «Вы». В нашей среде даже родителей дети называли на «Вы». Это — проблема моего воспитания... А то, что он меня называет на «ты», это проблема уже его воспитания, — хохотнув, ответил мне Н. Н.

Николай Николаевич воспитывался в патриархальной семье с крепкими христианскими традициями. Мне довелось наблюдать трепетное и трогательное отношение между тремя братьями Боголюбовыми: Николаем, Алексеем и Михаилом (все трое — яркие ученые, высокоинтеллектуальные люди!).

— Николенька, дай мне поцеловать твою архиерейскую ручку... — так младший брат поздравлял Н. Н. с днем рождения...

Память переносит меня не только во времени, но и в пространстве...

...1970-е гг. Париж, куда мне, молодому тогда научному сотруднику, доверили сопровождать самого Н. Н. Боголюбова.

Едем на поезде (Н. Н. не любил летать самолетом, хотя и был близок к авиационной технике: нелинейная механика Боголюбова-Крылова лежит в основе конструирования современных летательных аппаратов!). Перед традиционным перекусом в купе — по 70 граммов дефицитного тогда американского виски (любимый напиток Н. Н.!). Вдруг большое огорчение у Н. Н. вызывает отсутствие яблока в снеди, припасенной Евгенией Александровной — его обаятельной женой. К счастью, удастся достать яблоко в вагоне-ресторане... Н. Н. очень любил после глотка виски «прикусить на зуб яблоко» — и это было как суеверие, как ритуал...

В Париже для меня все было в новинку, а у Николая Николаевича и Евгении Александровны было много хороших знакомых и любимых уголков в знаменитом городе. Латинский квартал, Елисейские поля, Нотр-Дам...

— А не пойти ли нам, Алексей Нораирович, на Елисейские поля, чтобы выпить там по кружечке пива «Левенброй»? — удивляет меня Н. Н.

— Разве Вы любите пиво, Николай Николаевич? — отвечаю я вопросом на вопрос.

— Если вам скажут, что Николай Николаевич пьет «Жигулевское» пиво в Доме ученых в Дубне, то плюньте в глаза сказавшему, а «Левенброй» в

Париже — это совсем другое дело! Также если вы увидите Николая Николаевича на прогулке по Парковой улице в Дубне, то не верьте своим глазам, а если по Крещатику в Киеве — это совсем другое дело... — неожиданно открыл Н. Н. свои жизненные пристрастия...

Только сейчас, по прошествии более чем шестнадцати лет, как с нами нет Николая Николаевича, начинаешь лучше понимать: какое счастье нам, его ученикам, подарила судьба. «Большое видится на расстоянии...».

Удивляешься поразительной энциклопедичности Н. Н. Боголюбова, неиссякаемой творческой силе его научного наследия, христианской мудрости его поступков и взглядов.

Но, наверное, самое редкое везение — это видеть великого человека в простых житейских обстоятельствах, где, несмотря на обыденность, проявляются ум, талант и большое человеческое обаяние.

Мне приходилось прогуливаться с Н. Н. и по Дубне, и по Москве, и по Ялте, плыть на теплоходе вдоль Волги и даже однажды посетить киносеанс («Мужчина и женщина») в дубненском ДК «Мир». Н. Н., как правило неторопливый, уравновешенный, погруженный в свои мысли, умел быть душой компании, незаменимым рассказчиком, привлекательным кавалером...

...1980-е гг. Возвращаемся с Н. Н. и Евгенией Александровной из Финляндии на поезде. Суббота. Выборг, где у поезда меняют колеса, так как железнодорожная колея в России отличается от заграничной. Н. Н. в вагоне мечтательно говорил о возможности поужинать в ресторане пограничного города. Те, кто помнит, как было трудно в те годы вечером в выходные дни попасть в ресторан, поймут мое состояние. Я понимал, что мне предстоят непростые объяснения с ресторанной администрацией, чтобы реализовать мечту Н. Н.

Однако настойчивость (чтобы протиснуться в очереди) плюс упоминание о депутатских, геройских и лауреатских регалиях Н. Н. (в разговоре с администратором) сделали свое дело. Мы — в ресторане, но свободных столиков не нашлось. А ждать, пока столик освободится, нет времени... Нам предлагают места за большим столом, за которым заводская молодежь отмечает свадьбу. Первая реакция компании расположившихся за «нашим» столом сугубо недружелюбная. Но Н. Н. настроился на ужин в ресторане и, несмотря ни на что, устраивается на самом краешке свадебного стола. И, о чудо! Пожалуй, я никогда не видел такого Н. Н.! Он не только успокоился, обретя место, но абсолютно преобразился, источал дружелюбие, обаяние, рассказывал молодежи забавные истории, темпераментно произносил поистине кавказские тосты... Молоденькие девушки уже влюбленными глазами смотрели на убеленного сединой ученого. Когда дело подошло к нашему уходу из ресторана (поезд не ждет!), компания, которая встретила нас без энтузиазма, теперь буквально не хотела отпустить Николая Николаевича.

Он неожиданно раскрыл свою необыкновенную способность овладения умами и вниманием людей, далеких от него и по возрасту, и по социальной принадлежности...

Поистине талантливый человек талантлив во всем!

У Николая Николаевича были некоторые привычные восклицания. Например, если на вопрос: «Как дела?» — ты отвечал: «Спасибо, Николай Николаевич, все нормально», то он, как правило, с обаятельной энэновской улыбкой восклицал: «Не надо отчаиваться, никогда не надо отчаиваться...» Это получалось у него весело и необидно, но служило неким предостережением — мол, не надо терять бдительность.

Одно время у него была привычка (но с ней он, видимо, боролся, потому что в последние годы она исчезла) время от времени в разговоре произносить раскатистое «Что-о-о?», а через короткий промежуток — «Все-о-о».

Характерно отношение Николая Николаевича к вредным привычкам. Известно, что он любил выкурить сигарету и выпить немного хорошего виски (или коньяка!). Однажды, после воспаления легких, он долго воздерживался от курения. На мой бестактный (увы!) вопрос, бросил ли он курить, раздраженно ответил: «Ничего не бросил, просто не курю, и все...», а потом добавил с легкой улыбкой: «Вредные привычки для нас — это как балласт для путешественника на воздушном шаре. Сбросил — и летишь дальше. А если нет вредных привычек — и бросить нечего...»

Отношение к недостаткам. Николай Николаевич, по-моему, никогда не занимался спортом. Он не раз мне говаривал: «Напрасно говорят, что, дабы иметь железное здоровье, надо заниматься спортом. Я скажу точно наоборот: чтобы заниматься спортом — надо иметь железное здоровье...» И его лицо озаряла чуть саркастическая боголюбовская усмешка.

Последнее, что мне довелось услышать от Н. Н. в декабре 1991 г., когда я (после желтухи!) навестил его в московской квартире и отказался выпить виски (после желтухи долго не мог пить), были слова: «Что ж, Вы и на Пасху не выпьете?» «Увы», — ответил я. «Жуть, жуть, жуть...» — троекратно повторил Николай Николаевич. Это был последний наш разговор. После этого я могу общаться с Учителем лишь мысленно... Иногда в часы такого общения рождаются поэтические строки:

Учитель, таинство твое
Я понял в этот час,
Ты не ушел в небытие,
А растворился в нас...

Москва-Дубна, 2008-2009 гг.